

Глава первая

Ранним летним утром Вильям Поттикери шел своим привычным маршрутом по травянистой дорожке, которая вилась по скалам вдоль морского берега. Было немногим более семи. Далеко внизу, как молочно-белый опал, светилась водная гладь Ла-Манша. Пронизанный солнцем воздух был легок и чист — даже жаворонков еще не было видно, только откуда-то с пляжа доносились крики чаек. За исключением прямой, маленькой, одинокой фигуры самого Поттикери, ландшафт был пустынен. Человека с воображением миллионы сверкающих, чистых капелек росы на зеленой траве навели бы на мысль, что мир Божий переживает свой первый миг творения. Однако Вильяму Поттикери воображение было чуждо. Роса для него означала только, что ночью был туман и солнце еще не успело высушить оставшуюся влагу. Он отметил этот факт совершенно бессознательно, занятый мыслями о том, следует ли ему, поскольку он уже нагулял себе аппетит, повернуть у Расщелины назад, к береговой станции спасательной службы, или же, используя хорошую погоду, дойти до Вестовера. Там он мог

бы купить газету и ознакомиться с сообщением о каком-нибудь сенсационном убийстве на два часа раньше других. Правда, с появлением приемников чтение газет, можно сказать, утратило прежнюю остроту. Но все же в такой прогулке виделась хоть какая-то цель. Пускай сейчас мир, а не война — все равно у человека должна быть определенная цель, если уж он куда-то пошел. Нельзя же просто прийти в город, поглазеть на стены домов. Другое дело — вернуться к завтраку с газетой под мышкой. Да, пожалуй, он все-таки дойдет до города. Он невольно ускорил шаг. Черные тупоносые ботинки сверкали на солнце. Ботинки были на редкость прочные и служили ему верой и правдой с давних пор. Казалось, отдав свои лучшие годы армейской службе, где волей-неволей приходилось начищать сапоги до зеркального блеска, Поттикери мог бы теперь отряхнуть прах бессмысленной дисциплины и выразить себя как лицо гражданское хотя бы в такой мелочи, как пыльные башмаки. Но бедняга продолжал их начищать, потому что ему нравилось это делать. Может, у него был рабский менталитет. Однако поскольку он представления не имел, что это такое, то и не печалился по этому поводу. А что до самовыражения, то, опиши вы ему, что это такое, он бы, разумеется, понял, о чем идет речь, но в армии для этого существовало другое слово — строптивость.

Внезапно с утеса сорвалась чайка и ринулась вниз к галдящим товаркам. Ох уж эти чайки, до

чего шумные птицы! Поттикери подошел к краю скалистого обрыва взглянуть, из-за чего они ссорятся, — наверное, отступающий прилив притащил им какую-нибудь соблазнительную добычу.

В беловатой полосе пены мелькнуло что-то зеленое. Наверное, тряпка. Какая яркая, совсем не потемнела от воды... Внезапно голубые глаза Поттикери округлились и все его тело странно напряглось. В следующий момент черные башмаки ринулись вперед. «Тук-тук-тук» — глухо, как удары сердца, отстукивали они по плотно утоптанной тропинке. Расщелина, где располагался пляж, находилась еще метрах в двухстах, но Поттикери мчался со скоростью, не посрамившей бы и профессионального бегуна. Он загрохотал по грубым вытесанным каменным ступеням, пыхтя от волнения и негодования. Вот что выходит, когда лезут купаться в холодную воду до завтрака. Сущее безумие! Не только себе вредят — еще и другим завтрак портят. Для восстановления дыхания лучше всего метод Шеффера, если только ребра не сломаны. Наверяд ли они поломаны. Скорее просто обморок. Первое — внятно и спокойно объяснить потерпевшему, что с ним все в полном порядке.

Ее руки и ноги были загорелые — под цвет песка. Поэтому ему и показалось сперва, что это просто зеленая тряпка. «Одной лезть в ледяную воду, да еще на рассвете! Чистое безумие, иначе не назовешь! Другое дело — если нет иного выхода. Со мной однажды такое приключилось. В Красном

море возле порта. Пришлось высаживаться на берег, чтобы оказать помощь арабам. Хотя зачем кому-то понадобилось помогать этим прохвостам — непонятно. Вот тогда пришлось добираться вплавь, что поделать. Ох уж эти мне молодые особы! Апельсиновый сок у них на завтрак да тоненькие тосты — с этого разве силы будут?! Идиотство, да и только!»

По пляжу бежать было трудно. Крупная белая, обкатанная водой галька предательски скользила; где не было камней, там ноги увязали в мокром после прилива песке. Наконец он оказался в самой гуще стаи чаек, оглушивших его неистовыми жалобными криками и хлопаньем крыльев.

Ни в методе Шеффера, ни в каком-либо другом способе уже не было никакой надобности. Он понял это с первого взгляда. Женщине уже ничто не могло помочь. Поттикери, которому не раз доводилось спокойно подбирать тела утонувших в прибрежной полосе Красного моря, испытал несвойственное ему горестное чувство. Такой несправедливой, такой непоправимо жестокой казалась смерть совсем молодого существа, когда весь мир встречал новый, сверкающий летний день. Ведь перед ней была еще целая жизнь. И какая хорошенькая! Волосы, правда, кажется, крашенные, но остальное все при ней.

Набежавшая волна прикрыла ей ноги и равнодушно отхлынула вновь, обнажив ногти с красным педикюром. Несмотря на то что отлив уже начался

и через минуту-другую вода и так отступила бы далеко, Поттикери оттащил безжизненное тело повыше, подальше от дерзких волн.

Потом он сообразил, что надо позвонить. Поттикери стал озираться вокруг в надежде обнаружить место, где она разделась, прежде чем войти в воду, но ничего не увидел. Может, она оставила одежду слишком близко к воде и ее унесло приливом, а может, заходила в воду совсем не здесь. Во всяком случае прикрыть ее было нечем, и Поттикери поспешил назад, к сторожевой вышке, где был телефон.

— Тело на берегу, — бросил он через плечо Биллу Гантеру, снимая трубку, и назвал номер телефона полиции.

Билл Гантер прищелкнул языком и тряхнул головой, вложив в этот выразительный и предельно лаконичный жест всю гамму чувств: и досаду по поводу случившегося, и неодобрение по поводу глупых людей, которые лезут в воду, а потом тонут, и удовлетворение, что его пессимистический взгляд на жизнь снова подтверждается.

— Если уж им так приспичило кончать жизнь самоубийством, — меланхолично проговорил он с мягким выговором, — почему обязательно делать это у нас? Все побережье к их услугам.

— Это не самоубийство, — отрывисто сказал Поттикери, ожидая, пока его соединят.

— А все потому, что до южного побережья дорога дороже! — продолжал Билл, будто не слыша. —

Казалось бы, коль человеку жить надоело, так мог бы не мелочиться напоследок и укокошить себя с размахом. Так нет же! Покупают самый дешевый билет — и хлоп, к нам на порог!

— На «Пляжной Макушке» их тоже хватает, — ради справедливости заметил Поттикери. — И это не самоубийство.

— Да ну, конечно, оно самое и есть. Для чего еще у нас скалы? Для защиты Англии от вражеских набегов, что ли? Ясное дело, нет. Исключительно для удобства самоубийц. Это уже четвертое за год. И помяните мое слово, вот повысят налоги на доходы — и их станет еще больше...

Билл замолчал, прислушиваясь к тому, что говорил в трубку Поттикери:

— Женщина. Да, молодая. В ярко-зеленом купальном костюме. (Поттикери принадлежал еще к тому поколению, которое не употребляло слово «купальник».) Чуть южнее Расщелины. Метрах в ста. Нет, там никто не остался. Я должен был добраться до телефона. Сейчас же туда вернусь. Там буду вас ждать. Хэлло, это вы, сержант? Конечно, не лучшее начало дня, но мы уж понемногу тут к этому привыкаем... Нет, нет, на сей раз просто несчастный случай на воде. Машина скорой помощи? Да, она сможет подойти прямо к Расщелине. Да-да, свернете с дороги на Вестовер после третьего межевого камня и доедете до самой Расщелины. Ладно, пока.

— Откуда вы взяли, что это просто несчастный случай? — не хотел сдаваться Билл.

— Ты что, не слышал? Я же сказал: на ней был купальный костюм.

— А почему она не могла надеть купальный костюм перед тем, как сигануть в воду? Чтобы сделать вид, будто это несчастный случай.

— В эту пору и с этого места нельзя броситься в воду — приземлишься на песчаный пляж. И когда человек кончает с собой, то чего уж тут притворяться.

— Она могла идти и идти, пока ее не поглотила вода, — сказал Билл, привыкший оставлять последнее слово за собой.

— С таким же успехом она могла умереть, обвевшись леденцов, — саркастически заметил Поттикери.

Он готов был биться до последнего, когда воевал в Аравии, но в гражданской жизни бессмысленного упорства не одобрял.

Глава вторая

Кучка мужчин с серьезными лицами собралась вокруг трупа: Поттикери, Билл, сержант, констебль и двое медиков. Один из медиков, тот, что помоложе, думал только о том, как бы не опозориться перед остальными: его тошнило. Другие были целиком поглощены тем, что им предстояло выполнить.

— Знаете ее? — спросил сержант.

— Нет, — отозвался Поттикери, — никогда не видел.

Оказалось, никто из присутствующих опознать ее не может.

— Наверняка не из Вестовера. Зачем оттуда ехать к нам, когда у них собственный пляж под боком. Откуда-нибудь издалека.

— Может, зашла в воду у Вестовера, а сюда ее прибило? — предположил констебль.

— По времени не получается. Тело пробыло в воде совсем недолго, — возразил Поттикери, — где-нибудь тут рядом утонула.

— Тогда как она здесь очутилась? — спросил сержант.

— На машине могла приехать, — высказал предположение Билл.

— Тогда где машина?

— Там, где всегда их оставляют, — под деревьями, где кончается дорога.

— Ты так думаешь? Но там никакой машины нет, — отозвался сержант.

Это подтвердили и санитары. Они вместе с полицией ехали как раз оттуда и там оставили свою машину: никакой другой рядом не было.

— Чудно, — заметил Поттикери. — Поблизости нет ни одного дома, откуда сюда можно было бы прийти пешком, да еще в такую рань.

— Не думаю, что она была из тех, кто ходит пешком, — отозвался сержант и, встретившись с вопросительными взглядами, добавил: — Она не из простых.

Стоявшие еще раз взглянули на распростертое у их ног тело: да, при жизни она явно следила за собой.

— Тогда где же ее одежда? — озадаченно спросил сержант.

Поттикери поделился с ним предположением, что одежду могло смыть приливом.

— Вполне возможно, — сказал сержант. — Хотя все равно непонятно, как она сюда добралась.

— Странно вообще, что она отправилась купаться одна, — подал голос младший из медиков, кое-как справившись с тошнотой.

— В наше время все возможно, — проворчал Билл. — Это еще что! Хорошо еще, что она не стала съезжать со скалы на водных лыжах. А так, пойти плавать одной на пустой желудок — это у них теперь запросто. Глаза бы мои не смотрели на этих молодых идиотов.

— Что это у ней на щиколотке? Никак браслет? — изумился констебль.

Это был действительно браслет. Браслет из платиновых звеньев необычной формы — в виде латинской буквы «s».

— Что ж, — распрямляясь, заключил сержант, — тут, пожалуй, нам делать больше нечего. Осталось отвезти тело в морг и выяснить, кто она есть. Судя по всему, это большого труда не составит. Определения вроде «убежала», «заблудилась» или «похищена» к ней явно отношения не имеют. Не тот случай.

— Да, — согласился медик, — скорее всего уже сейчас ее дворецкий всю названивает в полицию.

— Пожалуй что так, — задумчиво произнес сержант. — И все же непонятно, как она здесь очутилась и что именно... — Он взглянул вверх и внезапно сказал: — Ого, да мы тут не одни.

Обернувшись в направлении его взгляда, все заметили одинокую фигуру на вершине утеса возле Расщелины. Человек напряженно наблюдал за каждым их жестом. Увидев, что его заметили, он быстро повернулся и исчез.

— Для одиноких прогулок вроде рановато, — проговорил сержант. — И потом, почему он убегает? Надо бы с ним побеседовать.

Однако они с констеблем не успели пройти и нескольких шагов, как убедились, что человек не только не убежал, но, напротив, торопливо спускается им навстречу. Худая, темная фигура показалась из распадка, где шли ступени. Мужчина бежал неуклюже, скользя и спотыкаясь, и вид у него был как у помещанного. Когда он приблизился, они услышали, как он судорожно ловит ртом воздух, хотя бежать было совсем недалеко и человек явно был молод.

Он с разбегу врезался в их плотную маленькую группу, оттолкнув обоих полицейских, которые инстинктивно пытались загородить от него тело.

— О Господи! Это она, она, она! — воскликнул он и неожиданно для всех разразился громкими рыданиями. Несколько мгновений шестеро мужчин растерянно молчали. Потом сержант стал ласково похлопывать его по спине, отчего-то бессмысленно повторяя: «Ничего, ничего, сынок, все в порядке».

Но юноша продолжал горестно раскачиваться и рыдать.

— Ну полно, полно, будет вам, — успокаивал его констебль. (Господи, ничего себе утречко выдалось!) — Слезами горю не поможешь. Возьмите себя в руки... — И, заметив дорогой носовой платок, который молодой человек извлек из кармана, торопливо добавил: — Сэр.

— Ваша родственница? — спросил он затем соответствующим печальному событию сочувственным тоном.

Молодой человек отрицательно качнул головой.

— Значит, просто приятельница?

— Она была так добра ко мне, так добра!

— Во всяком случае, тут вы сможете нам помочь. А то мы уже начали беспокоиться. Хоть скажете нам, кто она такая.

— Она... Она меня приютила.

— Хорошо, так как ее полное имя?

— Не знаю.

— То есть как это «не знаю»? Послушайте, сэр, соберитесь-ка с мыслями. Вы единственный, кто может нам помочь. Вы должны знать имя женщины, у которой жили.

— Да нет же, не знаю я.

— Но вы же ее как-то называли? Как?

— Крис.

— Крис, а дальше?

— Просто Крис.

— А она как вас звала?

— Робин.

— Это действительно ваше имя?

— Ну да, Роберт Станвей. То есть нет, теперь Тисдейл. Это раньше я был Станвей, — торопливо добавил он, встретив недоуменный взгляд сержанта.

«Пошли мне терпение, Господи!» — подумалось тому, но вслух он лишь сказал:

— Звучит это довольно странно, мистер, э...

— Тисдейл.

— Мистер Тисдейл. Можете вы мне объяснить, как она здесь очутилась, да еще так рано?

— Могу, конечно. Она приехала на машине.

— Ах так, на машине. И куда делась эта машина?

— Я ее угнал.

— Что-что?

— Я ее украл. Вот только что вернулся на ней обратно. Конечно, это был свинский поступок. Я чувствовал себя подонком, потому и вернулся. Когда я не нашел ее у дороги, то решил, что она тут, внизу. Потом я увидел, что вы тут столпились и... о Господи, Господи Боже мой! — И он снова принялся горестно раскачиваться.

— В каком месте вы с этой женщиной жили? — нетерпеливо спросил сержант, переходя на сухой, деловой тон. — В Вестовере?

— Нет. У нее есть... Боже мой, я хотел сказать, у нее был небольшой домик — Бриары называется. Возле Мидлея.

— Мили полторы от побережья, — пояснил Поттикери, поймав недоуменный взгляд полицейского. Тот был явно не из местных.

— Вы жили вдвоем или там еще есть прислуга?

— Только миссис Питтс. Она живет в деревне и приходит стирать.

— Понятно.

Последовало неловкое молчание, которое прервал сержант.

— Ладно, ребята, приступайте, — сказал он и кивнул санитарам. Те склонились к носилкам. Юноша судорожно вздохнул и закрыл лицо руками.

— В морг, сержант?

— О нет, не надо! У нее же есть дом. Тела умерших ведь полагается привозить домой, разве не так?

— Мы не можем повезти тело неизвестной женщины в бунгало, где никто не живет.

— Это не бунгало, это нормальный дом, — автоматически поправил юноша. — Я понимаю, вы, наверное, правы. Но морг — это так ужасно! Господь Всевышний, как ты мог допустить такое?!

— Дэвис, — сержант обратился к констеблю, — возвращайтесь в участок вместе со всеми и доложите там. Я с мистером Гисдейлом отправлюсь в... как вы сказали называется этот коттедж? — в Бриары.

Галька закричала под ногами санитаров с их тяжелой ношей. За носилками двинулись Поттикери и Билл.

Когда их шаги стали затихать, сержант заговорил снова: